

ЛЬВИНЫЙ РЫК И КУРИЦЫН КОКОТ

Добрый Перенов подарил мне
Львиный рык
И курицын кокот...
Весь день я ходила по городу,
И все говорили:
— Смотрите,
Вон женщина с рыжими волосами
Несёт в руках
Львиный рык
И курицын кокот.
И на мобильники фоткали.

Меня не пускали в магазины,
Говорили, что
С львиным рыком
И кокотом куриным
Они не обслуживают.

Только продавщица фруктов,
Заглядевшись на них,
Дала яблоко.

Устав от них,
Рыка и кокота,
Я решила
Их выпустить на свободу
И тихонько в воду опустила.

Так они и поплыли,
Между собой переговариваясь —
Львиный рык
И курицын кокот.

ПОЭТ

Шоте Иаташвили

Бог создал влюблённым тебя:
В обгрызенные карандаши
И ластик, за холсты закатившийся,
В стареющего трактирщика
И умирающего Сервантеса.
В честные шаги человека,
Несущего хлеб,
В грустные автомобили
И прокисающее пиво,
В одежды, которые
Пишут шедевры и в космос летают.
А ещё — в беззащитные свойства фарфора...

Только в меня не влюбляйся, поэт!
Вдруг я не устою!
И придётся мне стать солюблённой с тобой
В каплю шампуня и синюю луну
И даже —
В остывающую печь тонэ...

ОДИНОКАЯ СИГАРЕТА

За третьим столиком справа
В кофейне на Лобачевского
На столе дымится сигарета,
Оставленная кем-то в пепельнице...

Куда спешил человек,
Что не потушил её?
Почему не докурил?
Почему бросил всё на свете —
А иногда сигарета и есть всё на свете —
Чтобы оказаться в ином месте?

Я думаю, он не попал под машину
И успел добежать
До любви,
До рассвета,
До чуда...

Струйка дыма,
Не втянутая в лёгкие,
Тоскливо вьётся над столом...

СНЕГОПАДЕНЬЕ

В контексте мартовского снегопада
Недостовверными становятся
Слова и города...

В контексте мартовского снегопада
Неверно дребезжание трамваев,
Сворачивающих с Пушкина
В норштейновский туман...

И как не ощутить родства
С холодным воздухом,
Он в лёгких вязнет
И не даёт дышать...

В эфире стынет
Протяжно-сложная
Песнь муэдзина...

Порой невыносимо,
Но светло
Снегопадение в марте...

Несла тебя на вытянутых руках
Бережно, нежно.
Улыбалась нехитрым мыслям.

Реки вброд переходила —
Татарские, русские, всякие...
Слышала, не слушала слова —
Холодные, тёплые, разные...

Но большую гору не одолела.
У подножия положила.

Буду следить издалека.
Буду беречь издалека.
Руки несладко болят —
Пустые...

КЛЮЧ

Денис Осокин сказал,
Что я ключ к городу К.
А мне —
Закреть бы город на три дня.
Чтобы не было в нём
Ни жителей, ни гостей.
Пусть бы
Они погрузились в сладкий
Привольный сон.
А я бы ходила
По улицам старым
И улочкам,
Трогала шершавые камни
Башни Сююмбике.
Я всматривалась бы
И вслушивалась бы
В краски и звуки,
Вспоминая смычки и пуанты
Печального детства...
И стояла бы долго
У памятника Пра моего — Мулланура...
Тихо-тихо было бы в моём городе.
И ушли бы обиды мои.
И поняла бы я город свой.
И простила бы
По-детски...
По-царски...

ВЫТЬ НА ДЕРЕВО

Как хочется,
Забравшись на дерево,
Выть на луну,
Или наоборот:
Забравшись на луну,
Выть на дерево.

Выть с такой тоской,
Чтобы матери,
Детей укладывающие спать,
Прошептали бы:
Спаси, Бог, детей
От такой любви.
Чтобы старики,
Молитву читающие,
Головой покачали.

Я не Холли Голайтли,
А ты не Рик Блэйн.
И не зови меня — Холли,
Растягивая и понижая голос
На «о».
Лучше никак не зови.
Знаю и так:
Всё, что ты говоришь —
Адресовано мне.
Ведь ты равнодушен ко всему,
Кроме меня.
А мне странно
Быть для тебя
Единственной радостью.

Мне предстоит
Выйти замуж не раз,
Купить несколько платьев,
Найти считавшейся потерянной
Старую фамильную брошь.
А тебе...
Не знаю,
Что тебе предстоит.

Мы просто однажды
Перепутали сцены
Из разных фильмов.

«Я — третья поэтесса
С фамилией татарской,
Войду в литературу —
Как с улицы домой.

И все мне будут рады.
И скажут — проходите,
Мы вас так долго ждали,
Вы с нами, наконец.

И я войду надменно,
Как Игорь Северянин.
И никому, конечно,
Из вас не поклонюсь.

И невеликой славы
Вкушу пирог остывший,
Автографы, конечно,
Придётся раздавать...»

Я это написала,
Когда мне было двадцать
И слава, мне казалось,
Вот — руку протяни.

Но славы не случилось,
А горечи — в избытке.
И голос мой негромок.
Зато он только мой.

И когда они (дети)
Уезжают куда-то (спортивный лагерь, архитектурный форум),
Начинаешь прибираться в их комнатах,
Где свалены в предотъездную кучу
(Оставлены за ненадобностью?)
Разнообразная одежда
(джинсы, майки и носки)
И книги (поменяли в последнюю минуту на другие?).
Взираешь на них
Не без грусти и нежности.
И уже не прибежешь к спасительному —
Алкоголю и никотину (брошены),
Чтобы отвлечься (забыться).
Никакая слеза не скатится,
Но особенно невыносимо (почему?)
Будет убрать с их письменных столов
Обёртки шоколада и фантики от конфет.

Говоришь, не отпустишь меня.
Прельщаешь жизнью заморской.
А я смотрю в окно
И вглядываюсь в манекены
В магазине напротив.
Они одеты в синие пальто
И улыбаются неведомо кому.

Говоришь, без меня — никак.
А я грущу по твоему умершему коту.
Ты больше не произнесёшь:
«Живу один с двумя котами...»
И я преисполнена к тебе
Жалости и нежности.

Говоришь...
Я заметила, российские сумерки
Самые безысходные.
Но и они когда-нибудь
Заканчиваются.

Дай мне время.
И я полюблю тебя.
Вопреки географии.
Времени вопреки.
Даже вечности вопреки.
Не из жалости,
Из нежности, скорее,
Почти необходимости.
Из чувства противоречия,
Чёрт возьми,
Я тебя полюблю...